

рассказ

Ахат Мушинский

В том дворе, на том вокзале

204

МЫ ЖИЛИ тогда под Кремлём, на Булаке, прямой, как натянутая струна, речке, соединявшей озеро Кабан с рекой Казанкой. Домишки на нашем берегу деревянные, в большинстве своём одноэтажные, с вонючими дворами, где, подобно памятникам, белели уборные клетки. Иное на другой стороне. Там возвышался полукругом педагогический институт – здание старой величественной постройки, бывшее реальное училище. А так, в общем, если б не протока посередине, с зелёными берегами, всё одно – отстой, даром что центр города.

Наш двор смыкали три одноэтажки. Две по фронту улицы, третья – в глубине, за жиденьким кустарником, у дровяников.

Здесь, на этом клочке земли, обитали самые разные люди. Но главное, в одном доме со мной жил мой друг Марат, названный так в честь французского революционера и трибуна Жана Поля Марата. Ему это имя отец дал, преподаватель истории. Погиб он в сорок третьем, под Курском. Мой раньше, в самом начале, на границе с Румынией... Так что нас ещё и безотцовщина объединяла. Хотя таких, как мы с ним, после войны было пруд пруди.

Имелся у нас тут и заклятый враг, новый сосед, недавно поселившийся

в заднем доме двора, за кустарником. Звали его Макс Пантелеич. Может, Максим, конечно, – полное имя-то? Не знаю, паспорт не проверял. Но так к новому соседу все обращались, видать, сам таким образом представился.

Был Макс Пантелеич выше среднего роста, прям, ходил в пиджаке, из-под которого крыльями шелестели над хромовыми сапогами тёмно-синие галифе. Но главным в его облике была рановато заплешивевшая голова со странной шишкой на правой затылке, и на беду красавца Макса никакая чёлка до неё не доставала. Зимой ладно, шапку можно было нахлобучить, а летом, в жару?

Служил он на хлебозаводе, около вокзала, в охране. Был взводным. На том же предприятии работала мама моего друга – Саня-апа. Это, может, и спасло нас от голодной смерти во время войны. Она выносила мякоть хлеба, спрятав под грудь. Не она одна так делала. А ведь за это по законам военного времени грозил смертельный приговор. Пришла Победа, но голод не ушёл, и Саня-апа продолжила таскать мякиши и подкармливать нас. Моя-то мама работала в театре артисткой хора. Ничего съестного там, естественно, не водилось, разве что бутафорские яблоки и груши. Но летом для нас, сорван-

цов, недостатка в них не было. И сады недалеко, и колхозный базар...

Не успел Макс Пантелеич толком обжиться на новом месте, а уж без зазрения совести начал клеиться к маме моего друга. То, будто невзначай, дорогу ей преградит и какие-то шуточки свои топорные шутит, то примется зазывать к себе в домик:

– Сонечка, зайдёте ко мне на чашку чая, я сегодня такие вкусные булочки принёс с работы. И конфеты у меня есть, шоколадные...

Сания-апа была женщина миловидная, смешливая, на вид даже простоватая. А чего не зайти к соседу-то?! Не стесняясь, зашла, осмотрелась в его холостяцком кубометре – тесно, ничего особенного, кроме красивого ракушечного аквариума без рыбок, без воды; чаю попила с пряниками, сказала «спасибо» и не постеснялась гостинца попросить для своих мальчишек.

Макс Пантелеич лишь вякнул себе под нос:

– Шей, вдова, широки рукава...

Пряники были вкусные, но мы уже своими подростковыми умишками понимали, что здесь что-то не то. Сания-апа ещё некоторое время таскала нам гостинцы с барского стола, но скоро донжуан стал требовать взаимности... Однажды она еле вырвалась – он выскочил за ней во двор и прилюдно пытался затащить обратно. Не получилось. Тогда он крикнул вслед:

– Ещё сама приползёшь и умолять будешь!

Не надо было ей шутить с огнём. Однако у неё был свой взгляд на жизнь. И с этим взглядом она верно шла по дороге, ни разу не споткнувшись, ни разу не оступившись. Судьба благоволила, вот только мужа не пощадила. Но она была женщиной стойкой и по-своему упрямой. Продолжала выжимать из жизни всё, что могла. Не для себя, простоволосой, а прежде всего... Сами понимаете, у неё же сын рос, капля от капли отец, и его надо было ставить на ноги.

Не могла она только предположить, что однажды вечером, после второй

смены, когда они с соседом случайно (а может быть, и не совсем случайно) возвращались вместе с работы домой, он в сквере у вокзала полез к ней нагло, требовательно, по-хозяйски, и припрятанный под грудью мякиш неожиданно оказался в его руках.

Кроме тёплого куска хлеба ничего Пантелеич в благодатной тьме сквера не заполучил. Недоступность, казалось бы, очень даже доступной вдовлицы разозлила его.

– Это же вещдок, – процедил он сквозь зубы, комкая в ладони хлебный мякоть. – Я подведу тебя под монастырь, дорогая. Можешь сухари сушить.

Тем не менее, дойдя до дому, он предпринял новую попытку – уже во дворе схватил за руку, повыше локтя, и повлёк было мимо её крыльца к себе, как вдруг у вдовы-соседки нашёлся защитник... Это был Марат. Он запоздало вышел встречать маму после её работы – мало ли что в этом послевоенном, переполненном чёрт знает кем городе! Не успел на крыльцо выйти, а уж – пожалуйста... Камнем кинулся на врага, ударил головой в грудь. От неожиданности, а может, и от удара у командира взвода охраны спёрло дыхание, и он выпустил жертву. Но быстро опомнился.

– А-а, это ты, сирота казанская!

– Я не сирота, – ответил Марат, нервно помаргивая. Мой друг, волнуясь, всегда начинал часто моргать.

– Ну, тогда безотцовщина, – зло усмехнулся сосед. – Какая разница! – Он с силой отшвырнул подростка, но тот как-то умудрился ухватиться за карман галифе. Это не помогло, и Марат полетел под крыльцо.

– Ты же мне карман порвал, гадёныш! – взвизгнул взводный.

– Я тебя вообще убью! – прошептал Марат из разлитой по земле густой тьмы.

– Ты... меня? Да я тя, чиграш желторотый, двумя пальцами...

Но сам уже не глядел на взбесившегося дичка – озаботили галифе, которые пошли по шву от кармана до самого сапога.

Тут и я выбежал. Сания-апа сначала обняла Марата, затем стала усердно отряхивать его в жидком свете распахнутой двери нашего дома.

На цепи у сарая заливался лаем наш верный Шаян.

* * *

Шаяна мы обычно на цепь – какая цепь, на бельевую верёвку! – не сажали. А в тот вечер я некстати привязал его. Мне надо было куда-то пойти, а он за мной побежал. Пришлось остановить, затянуть узелок на ошейнике. А иначе не дал бы наглому соседу своевольничать во дворе.

Наш верный пёс жил в сарае. Мы с Маратом прорубили для него в дощатой стене лаз, завесили старыми чулками, получилась роскошная конура со шторками от дождя и солнца. Шаян – добротная, крупная дворняга. Чернявая, как немецкая овчарка. Только с возрастом уши у него не встали, как нам мечталось. Понятно, кутят от немецких овчарок в овраг не бросают. Там ведь нашли мы бедолагу.

Шаян сразу невзлюбил нового соседа. Рычал на него, не давал себя поглаживать, хотя Макс и не горел желанием приласкать пса. Он вообще, кажется, не любил животных. Как и те его. От него и кошки шарахались, и рыбы из аквариума сбежали. Мне кажется, он вообще никого не любил, кроме себя.

На другой день, как ни в чём не бывало, сел во дворе за доминошный столик, посверкивая шишкой на затылке, и принялся разбирать и чистить «макара». Табельный это был пистолет или какой – не знаю. Но мы тоже вытащили своё оружие. У меня имелся шмайсер, у Марата – парабеллум. После войны такого добра в городе было завалилось. Автоматы, пистолеты... – пустяк. На вокзале, в тупиках, стояли целые составы с трофейными танками, пушками... Чего только там, да и рядом, на песчаном берегу перед заливыми лугами, не было – и самоходки, и зенитные установки, и крупнокалиберные пулемёты... Волга

тогда текла строго по руслу и к городу подходила только во время разливов, оставляя на лето множество озёр с рыбой. Но и самые большие половодья до трофейных залежей на песках не доставали. Они в своём большинстве были целёхоньки, заправляй, заводи и хоть завтра в бой! А уж этих шмайсеров (личное оружие танкиста) в каждом танке было таскать не перетаскать.

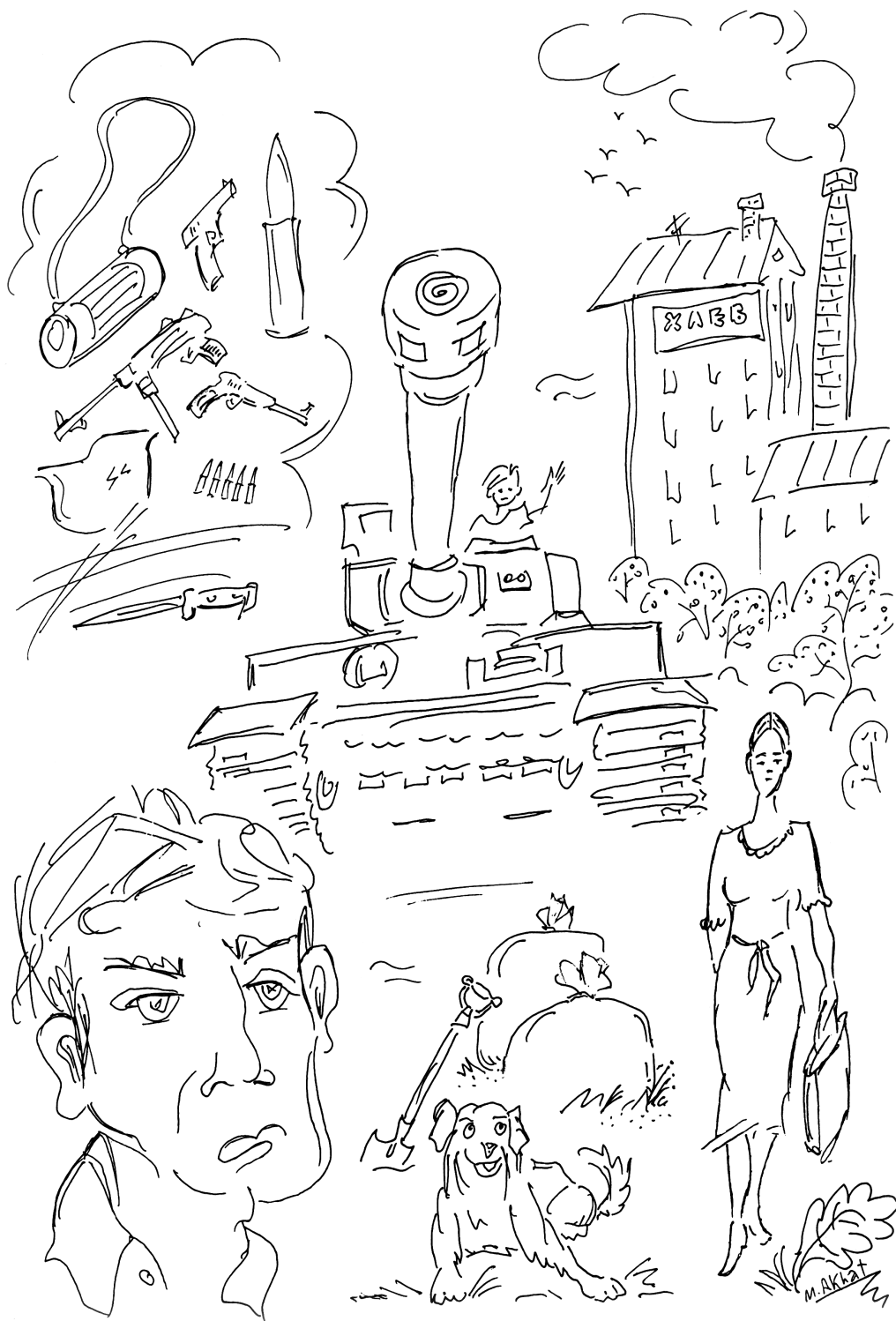
– А боеприпасы есть? – заинтересовался наш бдительный сосед, бросив взгляд на пенёк от срезанного молнией дуба, который мы превратили в оружейный стол.

– Конечно, – ответил я.

И в самом деле, у нас были кое-какие патроны, но другие. Магазины нашего оружия были пусты, зато сохранялось оно в хорошем состоянии – чёрненькое, тускло поблёскивающее. Пусть не думает и не воображает своей пукалкой! Если понадобится, мы дадим отпор, достойный сыновей фронтовиков. А шизак этот, неизвестно откуда взявшийся, никогда, по всему видно, пороха не нюхал на передовой.

Были у меня ещё немецкий штык-нож, треснутая каска, патронташ... У Марата был свой арсенал. А патроны мы любили бросать на берегу Волги в костёр. Они шипели, с треском разрывались и свистели над нашими головами за готовыми к сплаву брёвнами... Интересно всё-таки: девчонки с пелёнок к куклам тянутся, а мальчишкам с рожденья ружья, патроны подавай!

Частенько, конечно, мы бегали на вокзал, на пески – на произвольную выставку бронетехники Вермахта; забирались в танки, крутили там штурвальчики, жали на разные педали, прикладывались к окулярам прицелов... Одним словом, на практике изучали матчасть стальных крепостей. Бывало, гоняли нас какие-то сонные часовые с ППШ вниз стволами за спиной – не строго, лениво: слишком много трофейного хлама доверено было им охранять и слишком много нас, любителей пацанов, лазило там беспрепятственно.

Вокзал был большой, пути разветвлённые, тупики вместительные... Пески же рядом в луга глубоко не заходили, но тянулись далеко вверх по течению Волги, туда, где за немецким утиль-сырьём и заводью тонули днём в тумане, а по ночам маячили жёлтыми огоньками рыбацьи хибарки. Там, мы уже разведали, и лачужка Макса хорошилась. Каким рыбаком он был, мы тоже уже прекрасно знали.

– А не врётё? – не усомнился, по всему видать, но всё-таки переспросил неуверенно взводный.

– Насчёт чего это? – прикинулся я непонятливым.

– Насчёт пулек к этим стволом... – кивнул он на пенёк с нашим арсеналом.

– Что, Макс Пантелеич, прикажите вот тут вот выложить их перед вами? А вы нас в милицию?..

У пня сидел Шаян и, клоня голову то в одну, то в другую сторону, слушал наш отрывистый разговор.

Марат помалкивал, но по его помаргиванию было видно, что он не в себе.

Сосед собрал свой шпалер, спрятал под пиджак, шагнул в нашу сторону, но заворчал Шаян, и он остановился. Но не замолчал:

– Ничего, скоро всех вас приберём к рукам и отправим, куда Макар телят не гонял. А то средь бела дня вытащили свои шмайсеры тут!

– Кого это всех? – не сдержался Марат.

– Сначала мамашу твою, воровку. Надо ж хлеб красть с хлебозавода! Попалась, наконец! Сколько, интересно, она вынесла за все эти годы?

Марат готов был к этим его словам. Он щёлкнул предохранителем парабеллума, направил на обидчика своей матери, но повёл речь совсем о другом, ответил вопросом на вопрос:

– А сколько муки вы натаскали, Макс Пантелеич, в свою берлогу на берегу?

И без того бледный (животворные лучи солнца к нему не прилипали), сосед окончательно побелел: кто знает, что там в стволе пистолета? Чтобы сделать один меткий выстрел, обойма не нужна.

– В какую ещё берлогу?

– Там, на берегу, – повторил я и уточнил: – То ли домик... такой дощатый, то ли сарайчик... На большаке, сразу за заводью.

– Подумаешь, немного подкормки взял на рыбалку.

– Ага, немного!.. Вчера в четыре утра топаю с Шаяном на озёра, а в домик ваш мешки с подводы таскают. И за место управляющего сам командир взвода собственной персоной.

– На какую рыбалку! – заметил Марат. – Вы удочку-то знаете, с какой стороны держать? Рыбалку... Ни сетей у рыбака, ни вёсел, ни лодки...

– Опустит ствол-то. Раз в году и метла стреляет.

Марат сунул пистолет за ремень штанов. Озадаченный комвзвода перевёл дыхание. Затем прищурился:

– Ты это один видел?

Это уже мне вопрос.

– Нет, не один, – ответил я.

– Кто ещё?

– Вот... он ещё, – погладил я Шаяна.

– Да, пёс твой – хороший свидетель. Давно пора его на мыло сдать. За таких шалопаев на химкомбинате деньги дают. – Макс поправил остатки волос за шишкой, по-блатному откинул немного пиджак с плеч и пошёл со двора.

* * *

Утром за мамой Марата приехал милицейский «бобик», и её увезли. А ещё раньше во двор заходили собачники, заглядывали в конуру, но так и утопали ни с чем. Что Макс наговорил про Шаяна? Мол, бешеный, что ли, покусал кого?

Мы же ещё на рассвете все трое, Марат, Шаян и я, отправились на рыбалку и о незваных гостях ничего не знали.

Наш путь лежал мимо вокзала, на заливные луга, где в озёрах кроме карася водились карп, сазан, лещ, щука, линь... Не перечислить! В луговых водоёмах можно было наловить бреднем или простой удочкой даже больше, чем на большой Волге.

Когда шли по путям вокзала вдоль многочисленных грузовых составов и уж сходили в конце на пески, Марат вдруг остановился и прошептал:

– Смотри!

Я поднял голову и увидел над собой, точно на постаменте, «Тигр». Да, это был тяжёлый супертанк Второй мировой. И до этого мы изредка встречали их тут, но были они все увечные – то с раскученным боком, то с разорванным стволом пушки, а то вообще без башни... А этот экземпляр стоял, как на конвейере, готовый съехать на поле боя.

Марат отложил удочки, быстро взобрался на платформу открытого грузового вагона и через считанные секунды был уже на башне танка. Покопшился там, над командирским люком, и он открылся.

– Айда залазы! – махнул мне с вертуры.

Мой друг был повыше меня ростом, хоть и на полгода младше. В мае мне исполнилось двенадцать, а ему было всё ещё одиннадцать. Кроме роста Марат и в ловкости преуспел, и в рыбацких делах, но в технике я разбирался лучше.

Я погладил Шаяна, наказал сторожить удочки и полез за другом. Когда поднялся к башне, Марат сидел уже внутри, и слышно было, как он там что-то дёргает, что-то крутит. Я прикрикнул сверху строго:

– С цепи сорвался? Это тебе не игрушка!

Облазив всё и вся внутри, расположились так: он справа от орудия, на месте стрелка-радиста, я – слева, в кресле командира. На казённом пушки черед немецких слов, арабских и римских цифр. Запомнил только: «Tiger I. Aust E».

Перед самым моим носом темнел окуляр оптического прицела, ниже выступали маховики горизонтальной и вертикальной наводки, штурвал вращения башни, педали...

Танк стоял на вагонной платформе задом наперёд, то есть пушкой на запад. Я прижал лоб к резиновому на-

лобнику оптического прицела, двинул башню штурвальчиком в сторону Волги и увидел в окуляр песчаный берег, рыбацкие домики и, верите – нет, ненавистную хибарку и рядом долгового хозяина без пиджака в галифе на подтяжках. Он ожесточённо орудовал штыковой лопатой. Сапог его хромовых в вырытой яме было почти уже не видеть. Муку ворованную решил, что ли, схоронить? Не червей же копает!

– Заряжай! – скомандовал я.

Марат игру принял. Заскрежетал зубами, точно затвором пушки:

– Готово!

Вот он, маховичёк наведения орудия... Шкала прицела советует чуток опустить пушку. Совет принят, теперь Макс на уровне глаз, будто в двух метрах, аж шишку в блестящем поту видеть! Под маховичком кнопка пуска...

– По врагу человечества... прямой наводкой... пли! – скомандовал сам себе. – И во всю силу связок выкрикнул: – Бац-бэнц! – И играючи нажал на пуск...

Орудие на секунду задумалось, вступить ли ему тоже в игру, заверещало то ли зуммером, то ли каким-то кузнечиком да ка-а-ак...

От грохота выстрела мы чуть не оглохли. Бронированную крепость сильно качнуло. Как платформа под ней не развалилась! Пороховой дым обволокло наши лёгкие. Кашляя и задыхаясь, мы полезли из танка прочь. Нас встретил тревожный лай Шаяна. С башни танка хорошо было видно, как от казармы у главного здания вокзала разворачивается цепь линиях гимнастёрок в полной изготовке. С другой стороны бежал часовой, сняв с плеча ППШ и передёрнув затвор. Пора было сматывать удочки.

Мы кинулись между составами, под вагонами в противоположную от выстрела сторону, к речному порту. Я бежал, а перед глазами стояла картинка с разнесённой в щепу хибарой Макса, ключьями мешковины в воздухе и белым, мучным грибом, будто на пойме Волги взорвалась атомная бомба.

– А Макс там, в дыму, не летал? – спросил Марат в такт дыханию. Длинные ноги несли его худенькое тело легко, без особого напряжения. Я, коротконогий и более грузный, начал задыхаться. Только и смог ответить:

– Не-е...

Опять прокрутил в памяти последние мгновения перед выстрелом. А ведь между моим «бац!..» и настоящим залпом Макс в окуляре прицела будто даже внимательно посмотрел на меня. Этот предсмертный взгляд преследовал меня до самого полудня, точней, до самого вечера...

Впереди Шаян, за ним Марат, третьим я – так и вбежали в порт. Погрузочные краны ещё не работали, к пристани вокзала чалил слоёный пирог колёсного парохода, вдали опустили зыбки в воду рыбачьи лодки... Всё тихо, спокойно, мирно. Мы забрались на дальний, заброшенный дебаркадер, достали паёк – огурцы, помидоры, круто посолили и стали есть. Шаяну дали блинчики, которые моя мама испекла накануне вечером. А потом – вот она юность! – легли и уснули.

* * *

Вернулись домой ближе к полудню. Во дворе за доминошным столом сидела Саня-апа и что-то рассказывала соседке.

– Куда вы пропали? – спросила она.

– На рыбалке были, – сказал Марат.

– А где рыба?

Мы не нашлись, что ответить, поскольку без улова никогда не возвращались. За нас выдал свой монолог Шаян.

Саня-апа скользнула ладонью по покрытому не то копотью, не то пылью щеке сына. Когда Шаян угомонился, она произнесла задумчиво:

– По-ня-тно. – Глубоко вздохнула, хотела ещё что-то сказать, но тут в проёме калитки ворот появился призрак Макса. Пошатываясь, он прошёл во двор. Без пиджака, галифе на одной подтяжке держатся, волосёнки включены, и весь какой-то драный, чумазый, лишь весело шиш белеет на зальсине, как шампиньон на чернозёме.

Мы все, онемевшие, каждый по-своему взирали на него. Соседка с недоумением, Саня-апа, должно быть, с презрением и чувством исполненной справедливости, я, отягощённый всяческими предрассудками, и вправду принял его за явление потустороннего мира. Марат помаргивал, затаив дыхание, даже Шаян выглядывал из-под стола, странным образом молча.

Поравнявшись со столиком, привидение ткнуло конкретно в мой адрес пальцем, что-то промычало нечленораздельно и поплыло к себе в домик. Значит, он знал, кто стрельнул в него из пушки танка. Как же иначе! Он же глянул на меня из увеличительного стекла прицела перед самым выстрелом...

До самого вечера во дворе царила гробовая тишина. Не слышно было ни голосистых соседок, ни радио из окна дома через двор напротив, ни визга беззаботной мелюзги...

До самого вечера я ходил сам не свой. А вечером приехали солдаты с автоматами и старлеем во главе и соседа увезли. Стало быть, это всё-таки было существо во плоти.

Больше мы его не видели.

О том, что Саня-апа побывала в тот день в милиции, я узнал позже, от одного мильтона, с которым познакомился на рыбалке при очень даже странных обстоятельствах. Но это уже другая история, про которую тоже как-нибудь расскажу.

А эта случилась годом раньше, летом 1945-го.

